

*Сергей
Колчигин*

ОАЗИС ВИКТОРА СТАРЦЕВА

Директор высокогорной станции космических лучей Рашид Казбеков почти никогда не спускался в душный и утомительный город. Жил себе в горах, работал от души и дышал воздухом неба. Впрочем, были тут и свои минусы – недостаток новых людей, а стало быть – собеседников. Поэтому он радовался каждому гостю и встречал его как гостеприимный и хлебосольный хозяин.

Я давно, очень давно не видел Рашида. И однажды во время летнего отпуска поднялся к нему на Станцию.

Едва уцелевшая в годы тотального кризиса, безлюдная и дышавшая на ладан, она располагалась на перевале посреди одного из бесплодных гребней хребта Жаланашбель. Здесь не было ни хвойного леса, ни пёстрой растительности. Но была своя красота – пусть немного хмурая и аскетичная, зато величественная и горделивая. Скалистые острые пики вокруг перевала, где стояла Станция; розовые и жёлтые осыпи на их боках; а южнее, в зоне вечных снегов, – вершины, отливающие льдом под солнцем полудня.

Рашид встретил меня радостными восклицаниями. Поджарый, загорелый до такой степени, что стал походить на мулата, он излучал энергию дружеского расположения и жажды общаться.

Мы сидели у самовара в уютной комнатке с кружевными занавесками и вели разговор – вначале торопливый и потому немного сумбурный, а затем – обстоятельный и плавный. Мы беседовали обо всём на свете: о космогенезе (излюбленная тема Рашида как специалиста, да и просто человека мыслящего), о цели бытия и смысле жизни, о лихорадочных изменениях климата в последние годы. Неизбежно коснулись и нашего общего прошлого. Сколько мы хаживали по горным тропам, сколько было высотных восхождений! Как жаль, что теперь мы едва ли способны сотворить подобное! А в те годы... У нас была крепкая альпинистская группа, мы отлично ладили и понимали друг друга с полуслова и полувзгляда, так что и на самых сложных восхождениях нам удавалось практически всё. Не хвастаю – лишь констатирую факт.

Естественно, что в нашей беседе мы не могли не вспомнить нашего товарища по горным походам – Витю Старцева, которого уже не было на этом свете.

– Раш, – спросил я Казбекова, – так что же случилось с Виктором? Последний раз я видел его года три назад, да и то мельком. А по рассказам случайных людей

составить картину происшедшего с ним несчастья не получается. Не складывается. Но ты же тесно общался с ним до последнего?..

– Да, мы с Виком дружили крепко. Я-то всю жизнь здесь, на перевале, а он многие годы работал ниже по склону, в Обсерватории. Н-да... Его судьба печальна.

Я согласно кивнул. Потому что в общих чертах слышал о том, что случилось с Виктором. Но хотелось узнать подробности, а главное – понять, где в этой истории вымысел, а где – правда. Рашид наверняка это знал.

И он рассказал мне историю Старцева, как запомнил её от самого Виктора, а частично – по дневникам, которые сохранил сын Старцева и которыми поделился с Рашидом как давним другом отца.

В тот год, весной, в конце апреля, у Старцева погибла жена. Виктору хотелось забыться, отвлечься от щемящих воспоминаний и мыслей о страшной утрате. Этому могла помочь только напряжённая работа. Поэтому Старцев летом не стал брать отпуск, а решил провести весь летний сезон в обсерватории Астрономического института на горном плато.

Купол Обсерватории был виден с верхнего этажа Станции, он сверкал ниже по склону Жаланашбеля, на широченной ровной площадке, которая выступала из каменистой почвы хребта, словно специально для того, чтобы на этом естественном уступе люди могли соорудить подобие небольшого городка. Здесь виднелось несколько крохотных жилых домиков, три лабораторных здания, сравнительно новый корпус административных помещений.

Этот островок цивилизации резко контрастировал с окружающим пейзажем. Здесь, так же как на перевале, где возвышалась Станция космических лучей, было голо, уныло; глаз не в силах был отыскать зелёный оазис на всём протяжении этих гребней с коричневыми скалами и серыми валунами. Глубокие расселины добавляли своеобразного уродства мощным скалам с восточной стороны от астрономического поселения. Вдали, на западе и юге, вершины так сверкали своими ледовыми шапками, что просто ослепляли; над ними раскинулось небо, неподвижное, равнодушное к земным делам. И лишь на севере в дневное время висела глубоко внизу тёмная пелена смога. Это жил своей далёкой и чуждой жизнью город. По ночам он напоминал о себе отсветами оранжевых огней, словно от невидимого с гор пожара.

22 июня Виктор, чувствуя, что работа не идёт, счёл необходимым выйти из лаборатории и просто прогуляться. Пройтись вверх, размяться. Может, и настроение немного улучшится, и работа опять начнёт спориться.

Он двинулся вверх, в сторону перевала. И на половине дороги от Обсерватории к Космостанции, в громадной скальной складке этого совершенно голого, каменистого, сухого горного края, между пиками Ормузда и Аримана увидел нечто сильно удивившее его.

То были камни. Огромные, гладкие, сферической формы, они мало того что казались искусственными, так ещё и заворчали недовольно, как живые.

На мгновение это испугало Старцева, однако его пытливый ум и природная любознательность заставили продолжить путь.

Странно! Эти места Виктор знал как свои пять пальцев: сотни раз бродил он здесь вверх и вниз и снова вниз и вверх... Откуда здесь эти камни? Когда и как они очутились на голом склоне?

Подойдя ближе и изучая взглядом странное место под новым ракурсом, Виктор заметил, что каменные глыбы, имеющие ворчливый голос, образуют нечто вроде сводчатого входа.

Но если здесь действительно вход, то – куда?

И Виктор шагнул. Неизвестность не пугала его – манила. После потери жены, Оли, ничто не могло испугать его больше.

Через минуту он уж и вовсе не жалел о своём шаге. Перед ним раскрылась такая красота, что описать её вряд ли возможно.

Сразу за каменным входом Старцев увидел большую поляну, зелёную, какой бывает морская вода. Он шагнул дальше, потом сделал ещё один шаг и ещё... Всюду из мягкой травы ему кивали своими нежными головками удивительные цветы, лишь отдалённо напоминавшие те, что были ему известны. Не зная названий этих цветов, он мысленно обращался к ним привычными словами: «примула», «альпийская роза», «эдельвейс» – нет, скорее, «сестра примулы и розы», «брат эдельвейса»...

Густые мощные ели приготовили для Виктора тенистые уголки, зовущие спрятаться от зноя. Впрочем, было вовсе не жарко, а приятно тепло. Изредка с юга доносился порыв ветра, тоже приятный, в самую меру летней солнечной прохлады.

Виктор был уверен, что об этом прекрасном месте не ведаёт никто. Знай о такой красоте сотрудники Обсерватории, они бы не преминули о ней рассказать, поговорить о ней с друзьями и коллегами. Но никем никогда не было сказано ни слова об этой поляне. Хотя... Люди эти были далеки от романтики, даром что по ночам созерцали звёзды.

Да, но ведь и сам Виктор никогда не подозревал о существовании поляны, хотя работал в этих краях не первый год.

Боже ж ты мой! Здесь подлинный рай: трава поистине изумрудная, местами росистая, местами мягкая и упругая, как богатый персидский ковёр. Вдали – скалы причудливой формы, до чего интересные! Казалось, чья-то могучая рука сознательно вылепила эти фигуры, эти образы, которые взор ясно различал в складках высоких утёсов.

Старцев приблизился к скалистой архитектуре и долго любовался ею. Потом расслышал звонкий голосок родника из-под скал, наклонился к нему, словно благодарил за подарок, и, набрав полные ладони чистой воды, выпил живительную влагу не торопясь и с наслаждением.

Потом он снова рассмотрел поразительный пейзаж.

Здесь было несколько разновидностей хвойных деревьев и тут же, рядышком – пальмы и олеандры. По ветвям сосен прыгали белки, любопытные и почти ручные: они отведали орешков прямо из рук Старцева. Друг за дружкой в любовном экстазе гонялись бабочки; в воздух то и дело вспархивали малиновки, совсем не характерные для здешних мест. А уж завидя шелковицу, Виктор с удовольствием принялся уплетать её сладкие ягоды, как в далёком и, казалось, ушедшем детстве.

Всё это было действительно прекрасно, как бывает в лучших сновидениях. Однако для Старцева было важно понять саму природу феноменальной солнечной поляны. Откуда здесь, в пустынных горах Жаланаша, взялся этот райский уголок?

Вопрос не имел ответа, и это досаждало Старцеву чуть не до головной боли.

Наконец он почувствовал усталость. Сел в тени елей, пообедал вкусными сочными плодами экзотических деревьев.

Не успев доесть большой сочный фрукт (вероятно, никогда не имевший названия), Виктор от удивления остался сидеть с раскрытым ртом. Метрах в двадцати от себя он увидел чудесного лебедя с павлиньей короной на голове потом – собственно павлина, распушившего хвост-веер цвета радуги, и наконец – каких-то диковинных животных, пасшихся чуть поодаль от лебедя и павлина. Эти жвачные явно были безобидны. Схожие с коровами, они в то же время напоминали смешных тапиров и маленьких слонов. А над ними, в ветвях раскидистого платана (казалось, он вырос тут ниоткуда и за какие-нибудь секунды), копошились у своих гнёзд прекрасные птицы. Одна из них была, очевидно, сирином, другая – гамаюном. А причудливей всех была птица, которую Виктор сразу, по непонятному внутреннему побуждению, назвал элфантией. Расцветка её оперенья была такой яркой, что Старцев был принуждён зажмурить глаза.

В это мгновение что-то мелькнуло вдали и странно смутило, взволновало его.

Он глянул в ту сторону и всмотрелся.

Но такого быть не может!

Он увидел Ольгу, свою погибшую жену.

Её лёгкое летнее платье цвета морской волны мелькнуло в солнечном проёме еловой хвои. И Виктор, не веря своим глазам, прошептал:

– Жива?! Жива! – крикнул он в следующий миг. – Оля! Оленька!

Она приветливо помахала ему рукой, приглашая идти за ней, улыбнулась, как встарь, в ту самую первую их встречу, тогда, давно. Её русые волосы блеснули позолотой от яркого солнца. Она ещё раз помахала Старцеву, а потом повернулась к нему спиной и начала удаляться.

Он сорвался с места и побежал вслед за ней. Но Ольга становилась всё прозрачнее, контуры её фигуры бледнели, утончаясь.

Она исчезла!

А с нею так же быстро и плавно исчез и весь Оазис.

Где он?

Оглядевшись, Виктор ужаснулся: кругом громоздились серые валуны, под ногами была не трава, а мелкие камешки и песок. Чуть дальше виднелись проплешины из сухой глины и глубокие трещины в бесплодной почве.

Лысый хребет являл собою всё ту же извечную пустыню.

– Ко мне на станцию, – продолжил свой рассказ Казбеков, – Виктор пришёл под вечер, взбудораженный, недоумевающий. Он явно искал моральной поддержки. А может, и разъяснений тому, что произошло. Думаю, что он обратился именно ко мне потому, что знал мою склонность не только к строгой науке, но и к вопросам метафизическим. Мы и впрямь долго беседовали в тот вечер (говоря по правде, беседовал в основном я), разошлись по своим кроватям чуть не под утро. Но всё равно не спалось. Вряд ли я что-то сумел разъяснить Виктору. Откуда мне было знать, что означал этот его Оазис, откуда он взялся и куда исчез. Виктор, тот по крайней мере видел Оазис, пил воду его родника, кормил с руки его белок. А я мог судить обо всём этом лишь с его слов.

С того дня Старцев стал болезненно меняться. На лице застыло выражение вечного недоумения, смешанного со страхом и радостью. Говорить он стал односложными фразами, а вскоре и вовсе замкнулся в себе и умолк. Родственники хотели отправить его в хорошую психиатрическую лечебницу в Швейцарии, даже собрали нужную сумму – но тут Виктор внезапно пропал.

Искали его долго и безрезультатно. А обнаружили гораздо позже. И не в городе, а в горах. Тело его лежало среди скал там, выше по гребню, на юго-востоке. Около ледника Стаурос. Видимо, Старцев отправился на поиски своего Оазиса, но зашёл так далеко, что уже не мог возвратиться.

Рашид умолк.

А я сидел в глубокой задумчивости, пытаюсь осмыслить странные дела, творящиеся порой на Земле. Потом, словно очнувшись, задал другу вопрос, который напрашивался со всей очевидностью:

– Так что же ты об этом думаешь, Рашид?.. Как объяснить этот дивный Оазис, которого не было? Нет – который, быть может, был, но которого снова не было. Галлюцинация повреждённого ума? Фата-моргана?.. А может, Старцев всё это выдумал?.. Не понимаю.

Рашид внимательно смотрел на меня секунду-другую, потом вздохнул:

– Я тоже не понимаю. Хотя и есть у меня одна догадка. Может, такая же безумная, как и любая другая?.. В общем, первое время я полагал... Это была мысль очень смутная и, вероятно, неприемлемая, глупая для астрофизика-профессионала. Но мне подумалось, что история Старцева как-то связана с космическими лучами. Возможно, произошла единственная в своём роде, совершенно уникальная космическая ситуация, когда излучения Вселенной породили на нашей планете этот Оазис... Действительно глупая идея, не так ли?..

Я тактично промолчал.

А Рашид вдруг хитро прищурился и заулыбался:

– Но этим дело не кончилось, нет! Моя сумасбродная и полудетская гипотеза нашла неожиданное подтверждение. Спустя три года мне попала в Интернете статья из журнала «Physical Review Letters». Помню её почти дословно. Вот послушай.

И он заговорил тоном диктора, читающего новости.

– «Магнитосфера планеты, ответственная за защиту Земли от космического излучения и радиации, треснула. 22 июня 2015 года мюонный телескоп GRAPES-3 зарегистрировал всплеск галактических космических лучей (ГКЛ) с энергией около 20 гигаэлектронвольт (20 миллиардов электронвольт). Активность ГКЛ продолжалась в течение двух часов и совпала со столкновением магнитосферы с корональным выбросом массы. Это столкновение вызвало сжатие магнитосферы почти в три раза, что вызвало мощный геомагнитный шторм. Он спровоцировал полярные сияния и помехи в радиосигналах в ряде стран. Компьютерное моделирование показало, что всплеск ГКЛ произошел из-за возникновения кратковременной трещины в защитном поле Земли. Как считают астрофизики, трещина возникла в результате столкновения магнитосферы с гигантским облаком солнечной плазмы, которую Солнце сбросило со своих внешних оболочек».

– И вот что я думаю, – после маленькой паузы произнёс Рашид. – Не мог ли геомагнитный шторм вызвать не только полярные сияния?

Едва он это сказал, меня вдруг словно озарило:

- Ты хочешь сказать, тот Оазис мог быть... ну, скажем – проекцией?..
 - Да-да, – затруднённо и озабоченно ответил Казбеков. – Проекцией...
 - Другого мира? – спросил я без обиняков, хоть и чувствовал, что дрожу.
- Мой собеседник откликнулся не сразу:
– Что ж... Наверно, уместен и такой эвфемизм...
И, внезапно подняв глаза, глянул на меня испытующим взором.

ОСТРОВOK НА ВЕРШИНЕ ХОЛМА

«A day like this I really hate: rainy and muddy ground and a flat tire. I need help!»
(«Я точно ненавижу этот день: дождливая и грязная земля и спущенная шина. Мне нужна помощь!»)

С этого крика о помощи началось моё общение с Мирой-Викторией. Я заглянул на страничку в «Фейсбуке», откуда пришёл этот крик, и увидел фото молодой женщины, улыбчивой нежной дочери юго-восточной Азии. В глазах её читалась глубокая печаль, которую девушка пыталась прятать.

В первые минуты нашей переписки она извинилась за свой крик отчаяния. «Это был случайный эмоциональный всплеск», – написала она.

А через пару дней, связавшись с ней по скайпу, я представился уже, так сказать, непосредственно, воочию, сделал искренние комплименты (она и правда была красива и обаятельна). Назвал себя – Вильдан, кратенько рассказал о себе: религиовед, культуролог, преподаю. Затем с тактичным любопытством стал расспрашивать Миру о её родине, доме, родных, занятиях.

И женщина отвечала. Да так, что я до сих пор никак не могу прийти в себя.

– Однажды, – рассказывала Мира, – мы узнали страшный прогноз. Господи, мы и без того сидим на вулкане, а тут ещё телевидение сообщило о грядущем землетрясении в нашем городе. Восемь баллов! И уже очень скоро. Тогда мы воззвали к мощи и помощи Святого Духа, всех высших сил: «Защитите наши семьи, дома, дороги и мосты от гнева природы и оставьте всех нас в живых! Господи, Господи, об этом мы заклинаем Тебя именем Иисуса. Аминь». Не спасло. И теперь мы живём на вершине горы. Это всё, что осталось от нашего большого острова. Его поглотил океан. Большинство наших граждан погибло. Остальные ушли отсюда ещё в первые дни после сообщения, в спешке, в панике. Только я и дочка остались: ведь это наш дом, мы привыкли, мы не уйдём. Да и куда? Что обретём мы на большой земле? Там гибель, я знаю. Работала медсестрой в Маниле, нагляделась на жизнь. Все больны: от тяжёлого воздуха, жуткого питания, убийственных механизмов – они дробят людям кости и мозги. Все больны от спешки, постоянного напряжения, безработицы, террора... Там гибель. И дочка моя была бы там обречена.

– А здесь? – осторожно спрашиваю я.

– Здесь легче. Здесь всё настоящее. И своё. Воздух, вода, фрукты и овощи – всё чистое. Потому я и переехала после Манилы сюда, в дом родителей... Знаешь, Вильдан, в вашем мире, который зовут цивилизованным, вами играют все: правительство, корпорации, армия, полиция, медиа... Но... «The Lord is my

Shepherd; I shall not Want» («Господь мой пастырь; Я не захочу»). Это Псалом 23:1. Стихи моей жизни.

Как-то раз Мира показала мне несколько фотографий своего островка. Точнее, его остатков – верхушек острых слоистых скал, покрытых густой зеленью деревьев; ветви одних были курчавы, других – свисали вдоль стволов, как беспомощные руки. А кругом кипел океан, цвет его – серый, а пена морская на гребнях волн – цвета ржавчины.

– Когда-то я училась на бакалавра в Институте Аквината, потом готовилась на медсестру в университете. Но теперь... Затмения, метеоры, парад планет: у меня есть множество причин смотреть в ночное небо.

– Нет, Мира, хоть ночь и прекрасна, лучше показывай светлые дни.

Она с радостью согласилась. И я снова увидел на её фотографиях океан, ревущий у скал островка. Волны были неистовы, как тигры, разъярённые уколами острых пик.

– Нет, Мира-Виктория, это слишком печально.

– Печально? Тогда я покажу тебе кое-что веселей. Глядя из моего окна, я счастлива видеть вот эту маленькую птичку. Я сделала фото, когда она сложила усталые крылья, прежде чем улететь. Вот такое воспоминание о нашем саде, где росло много-много деревьев.

Ох, как трудно было настроить нашу беседу на лад оптимистичный, вдохновляющий. Не то что трудно – невозможно. Сквозь всю весёлость и свет улыбки моей собеседницы неизбежно глядела тоска. Это было прощание с жизнью, ещё такой молодой, только-только расцветшей по-настоящему. Как жалко мне было её! Эти красивые, плавные черты лица, чуть полноватые губы, чистый высокий лоб и нежные глаза...

– Но послушай, Мира, я знаю, что говорю. Как-то раз в Сеуле, на саммите по Тихому океану, я тоже слышал крик о помощи. С Соломоновых и Маршалловых островов. Подобный твоему. К собравшимся взывал один из жителей тех мест: их тоже затапливал океан. Но – они обратились за помощью к миру, к международным организациям и...

– Да, я в курсе: их перевезли на континент. Но это не для меня.

– Почему?!

– Я ведь уже объясняла тебе, – терпеливо ответила Мира. И уже хотела продолжить, но в этот момент на экране возникла её дочурка Лора-Мида, смуглая глазастенькая девочка с иссиня-чёрными пышными волосами.

– Мы не уедем отсюда никуда! – заявила девочка. Личико её светилось категорическим весельем, словно в атмосфере какой-то лишь ей понятной игры.

– Но почему?! – снова воскликнул я с удвоенным любопытством и нетерпением сердца.

– Потому что здесь наша родина! – отрезала малышка и скрылась из поля моего зрения.

Я едва не рассмеялся, но вовремя одёрнул себя. «Maganda sila» («Они прекрасны»), – подумал я вдруг. Почему-то на их наречии.

– Я люблю одиночество, вернее – уединение, – сказала Мира-Виктория. – Люблю природу, свежий воздух, красивые пейзажи. А среди бессмысленной болтовни и шумных людей мне о-очень неуютно. И ещё я люблю, чтобы не было соседей – тогда я у себя. Так же и Лора.

А я вдруг увидел внутренним зрением: вот Мира с дочуркой очутились в одном из мегаполисов. Вот, задирая головы, они разглядывают небоскрёбы, а мимо с воем пролетают автомобили, грохочет надземное метро. Они заходят пообедать в ресторанчик, а там гремит и орёт музыка, вернее то, что называют музыкой сегодня. Мира и дочурка её глядят вокруг с недоумением и страхом, они жмутся к стене, а Лора-Мида, так та и вовсе затыкает свои ушки ладонями.

Я очнулся от грёзы.

– А как же вы питаетесь? – спросил я Миру на этот раз.

– Мы?.. Вегетариански. Как же ещё, Вильдан? Люблю бананы. Или вот, например, смотри. Видишь вон там, за моей спиной? Диета на ужин.

Она отодвинулась от экрана, и за открытым окном её комнаты я разглядел небольшой сад.

– Там огород, огурцы, немного бледные, но есть можно. Стручки красного перца, душистая травка...

– А вода?

– Воды вокруг сколько угодно, – откликнулась Мира.

Она ещё могла шутить!

– И всё же? – настаивал я.

– Кокосовое молочко. Есть у нас несколько пальм, стоят себе на вершине. А внизу, в ложбине, есть источник питьевой воды. Чистый, прямо хрустальный. Или кристальный, как правильно?.. Правда, скоро он утонет. Вода уйдёт под воду. Воду укроет вода... Хочется написать об этом стихи... Но нет. Не хочется. Лучше глядеть ввысь.

up here
is where the magic happens
where the wonder is still revealed
where miracles are still real

(здесь
где происходит волшебство
где чудо все еще случается
где чудеса все еще реальны)

– Что это за стихи? – спросил я Миру. – Твои?

– Да. Там, вверху, небеса, и ты глядишь в них и веришь: тебя не достанет то, что внизу.

– Границ не существует, – кивнул я Мире. – Они воображаемы.

Мне хотелось утешить её чем-то вечным, смягчить её приговорённость к конечному.

Мира мягко улыбнулась. Она не хотела мне перечить и потому всего лишь улыбнулась:

– Конечно. Не существует.

Она поправила прядь волос. Но та снова поддалась порыву ветра. Он дул с океана. То есть со всех сторон пространства.

– А как с погодой у вас? – тревожно спросила девушка. – Я вижу, там стало что-то очень темно.

– Да, набежали тучи. Стемнело быстро, как в тропиках. Но, ты знаешь, Мира, для меня это даже хорошо. Я – метеозависимый. И весь день была какая-то слабость, явно к перемене погоды. И вот погода наконец меняется. Теперь станет полегче. Как всё-таки мы зависим от неба!

– Если б только от него! – задумчиво сказала Мира. – Тогда всё было бы прекрасно. Но мы зависим и от земли. И от воды. Не так ли?

Она горько усмехается.

Я снова смущён. Что ни скажи, всё намекает на островок Миры и дочки её, Миды.

– Наверно, ты права. И от космоса тоже зависим... Кстати, сегодня в ночь Луна будет очень близко к Земле. Так близко она не была с сорок восьмого года.

Мира-Виктория прячет вздох за лёгким смехом:

– Унеси меня на Луну!

Я отшучиваюсь:

– Да я бы с удовольствием. Только вдруг на Луне совсем не лучше, чем у нас?

– То есть ты считаешь, мы не одни во Вселенной?

– Уверен! И если там, на Луне, есть жители, мы вряд ли понравимся им. А они – нам. Вряд ли.

– Думаешь, мы так не схожи с ними?

Я пожимаю плечами:

– Неведомо.

– Одни мы во Вселенной или нет, – размышляет Мира вслух, – разницы, по моему, никакой.

– Как это? – я искренне удивляюсь её выводу.

– Если там, в космосе, нет никого, мы одни. Если там кто-то есть, мы всё равно одни, потому что слишком далеки от них, слишком разделены в пространстве. А это то же, что их нет для нас. Как и нас – для них.

Разговор становился опасным: он снова уводил к ситуации тонущего острова. И я перевожу разговор на другое:

– Ладно, Мира, у тебя скоро ночь. Пора спать... А завтра что собираешься делать?

– Как всегда. Будем с Мидой купаться в океане. Потом она залезет на пальму и сбросит пару кокосовых орехов. Мы станем наслаждаться их чудесным вкусом. После пойдём к зарослям элопеи, в это время года она прекрасна. Душистая, цветёт, розовеет... Раньше я забывала замечать и любоваться на этих малюток в саду. А ведь они живут для того, чтоб дарить мне простую радость жизни! И восторг от того, как она прекрасна. Бог великолепен в этом месте, которое я называю домом.

– Здорово! – говорю я ободряюще.

– Да, это рай. Куда же нам бежать от него?

Я закрываю моё коммуникационное устройство и выхожу из дачного домика.

Могу представить, как волны моря вздымаются выше и выше, медленно и неуклонно. И вот уже домик Миры-Виктории и Лоры-Миды поглощён морской водою по крышу, а сами они плывут, плывут всё дальше и дальше, делая взма-

хи руками, с гордыми лицами, поднятыми к небу. Куда плывут?.. Удастся ли уплыть?..

Я заставляю себя встряхнуться и гляжу окрест.

Кругом яблони и малина, осенние листья под ногами. Я не мыслю себя без этой простой красоты.

Вечереет. Столица внизу возжигает искусственный свет. Он быстро разгорается в темнеющем воздухе. И вот уже кварталы города заливают огнями. Всё движется, всё сверкает, горит перед тем, как уснуть. И этот огненный океан под моими ногами плещется в темноте, волны его мечутся меж сумраком гор и агатом небес, как слепцы в тупике.

Я стою на холме. Я гляжу в океан.

Колчигин Сергей Юрьевич родился в 1954 году в Алма-Ате. Учился в КазГУ им. С. М. Кирова (филологический и философский факультеты), в аспирантуре Института философии и права АН КазССР. В настоящее время – главный научный сотрудник этого института.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, вице-президент Казахстанского философского конгресса. Автор свыше 250 научных работ, среди которых несколько индивидуальных монографий: «Логика целостного мировоззрения» (1993), «Философия Грядущего» (2-е изд., Москва, 2006, в соавт. с А. Капышевым), «Бытие и душа» (Алматы, «СаГа», 2017). Известен также своими литературно-философскими и поэтическими публикациями: «Капли Света», «Истина. История души», «Слово и дух», «Путь. Вершины островов» и др.

